

**У ИСТОКОВ ЖАНРА БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ В РОССИИ:
ВАРИАНТЫ АВТОРСКОЙ СТРАТЕГИИ**

(по материалам выступлений П.А. Вяземского-биографа)

Перечень книг, занявших заметное место в развитии жанра биографии в России, принято начинать с монографии П.А. Вяземского «Фон-Визин», написанной в основном в 1830 г., но изданной лишь в 1848 г. Сам Вяземский в предисловии к изданию указывал, что это «едва ли не первая у нас попытка в роде биографической литературы». Свою главную заслугу биограф справедливо видел в том, что благодаря широкому привлечению исторических, в частности архивных, документов, материалов «старой» русской литературы и журналистики «одинокое лице писателя Фон-Визина вошло в общественную жизнь эпохи и современная ему эпоха обставила живую рамою <...> его изображение»¹. Это единственная монография Вяземского, правда, выросла она из заказанной ему еще в 1823 г. статьи-предисловия к собранию сочинений Фонвизина. Вяземский, по его собственным словам, хотя «вообще писал не усидчиво, а более урывками», над ней работал «прилежно» и увлеченно². Такая сконцентрированность на работе, конечно, обусловлена и привлекательностью конкретного «объекта» (крупнейшая фигура в литературно-общественном процессе XVIII в.), и перспективой высказаться по многим принципиальным и неизменно актуальным для Вяземского вопросам (прежде всего, о взаимоотношениях писатель-власть-общество), да и внешними обстоятельствами («заточения» в Остафьево из-за холерного карантина). Но, представляется, далеко не последнюю роль здесь сыграла и открывавшаяся перед автором возможность реализовать свой давнишний интерес к биографическому жанру. Ведь книгой о Д.И. Фонвизине вклад Вяземского в зарождение русской биографии

и, добавим, биографического метода в литературоведении отнюдь не ограничивается³.

Первые его биографические опыты, посвященные крупнейшим писателям последней трети XVIII – начала XIX вв. Г.Р. Державину, В.А. Озерову и И.И. Дмитриеву, появились еще в 1816–1823 гг. Рождавшиеся в недрах жанров статьи-некролога и статьи-предисловия к собранию сочинений, эти его произведения безусловно имели «запах новизны». Более полувека спустя Вяземский вполне обоснованно писал, что во время создания статьи об Озерове (да и других двух статей), в русской словесности у него не было «образца, за которым мог бы следовать – разве статья Карамзина о Богдановиче». Имелась в виду первая в русской критике статья-некролог⁴ «О Богдановиче и его сочинениях» (1803). В ней Карамзин, еще раньше проявивший интерес к писательской биографии и писавший литературные портреты в «Пантеоне российских авторов», стремился создать «идеальный образ поэта, живущего в <...> мире мечты», подчиняя этой цели известный ему фактический материал⁵. Можно предположить, что Вяземский учитывал и зарубежные образцы – французские биографии, ведь они были его «любимым чтением» едва ли не с детства⁶.

То, что Вяземский оказался у истоков биографии в России и потом постоянно обращался к этому жанру, во многом связано с особенностями формирования его литературно-общественных взглядов. Это было время зарождения и развития романтизма с его обостренным чувством личного «я», стремлением к масштабному анализу и изображению индивидуальности в ее неповторимой внутренней многосложности и неисчерпаемости. Вместе с тем это было время становления в России либеральной идеологии, один из краеугольных принципов которой – отстаивание прав и свобод человека как важнейшего элемента социальной системы. В сознании Вяземского, причастного к обоим этим явлениям социокультурного процесса в России 1810-х – начала 1820-х гг., довольно органично соеди-

нялись соответствующие интенции. Необходимо также учитывать и серьезное воздействие на Вяземского французской просветительской философии XVIII в. и развивавшей многие ее положения литературы европейского и русского классицизма. Вяземский усвоил характерные для них идеи повышенного внимания к государственной деятельности, гражданской позиции человека (и, соответственно, героя произведения) и безусловной значимости воспитательной функции литературы. Восприятию этих представлений способствовало, в частности, активное знакомство Вяземского с мемуарами XVIII в., написанными в просветительской классицистической традиции⁷.

Таким образом, проблема личности в разных ее аспектах, размышления о жизни человека в контексте жизни общества, истории государства вышли на первый план в его творчестве. Неизменным в его авторской стратегии стал принцип «ввести жизнь в литературу и литературу в жизнь»⁸. Все это обусловило повышенный интерес Вяземского к жанру биографии – описанию «жизни человека, развития его личности в связи с общественной действительностью эпохи»⁹, причем описанию особому, не исключительно научному и не исключительно художественному. И притом всегда поучительному.

Биографический жанр привлекал Вяземского, конечно, и возможностью высказаться о прошлом, в котором гораздо больше «есть что пожать»¹⁰, которое населено «замечательными и рослыми <...> людьми». В этом выражалось его чрезвычайно уважительное отношение к истории, к предшествующим поколениям, но не только. Для Вяземского-биографа характерна оппозиция «история – современность» с довольно явной идеализацией прошлого, а точнее определенных периодов послепетровской истории России, прежде всего эпохи Екатерины II¹¹. Эта особенность взглядов Вяземского, проявившаяся уже в молодые годы, когда он довольно последовательно исповедовал либерально-просветительские идеи, зависела от

многих факторов и требует отдельного рассмотрения. Для позиции же его как биографа показательное все более укреплявшееся с годами убеждение, что люди прошлого выгодно отличаются от «нынешнего народа», который «обмелел», и даже «дворянство омещанилось»¹².

Жанр биографии позволял реконструировать жизнь и деятельность лучших представителей «поколений исторических», в том числе писателей, как образцовые, которыми можно гордиться и на которые должно ориентироваться их потомкам. В таком духе написанные биографии, даже при обращении к прошлому, активно включались в современный публицистический дискурс. Показательно, что Ю.В. Манн, формулируя принципы биографического повествования, специально выделил «синтез прошлого и настоящего» и стремление решить «проблему положительного героя»¹³, правда, не связав это с именно публицистическими возможностями жанра.

Главный герой Вяземского-биографа, как уже подчеркивалось, писатель. При этом «право *писателя* (выделено нами – *И.П.*) на биографию» тогда в России еще не было общепризнанным. Ю.М. Лотман отмечал, что оно «завоевано» А.С. Пушкиным и воспринято читателями только в первой трети XIX в., когда сложилось понимание «слова как деяния», общественной значимости искусства и одновременно представление о том, что «биография писателя в некоторых отношениях важнее, чем его творчество»¹⁴. Становление этих представлений, думается, очень во многом стало следствием деятельности Вяземского-биографа второй половины 1810-х – начала 1820-х гг.

Уже в дебютном биографическом опыте – некрологе Державину в 1816 г. автор выделил три сферы жизни писателя, каждая из которых по своему ценна: «Смерть похитила в нем у *муз* (подчеркнуто здесь и далее нами – *И.П.*) почтенного их Нестора, у *отечества* – мужа знаменитого, прешедшего со славою и пользою поприще долгой жизни, у *ближних и друзей* – добродушного старца, украшенного семейственными добродете-

лями». Соответственно, первый вопрос, который должен был решить автор биографии, – это объем и масштаб изображения: описывать ли все названные сферы жизни писателя в комплексе или сконцентрировать внимание на какой-либо одной из них, на чем и почему делать акценты.

В очерке о Державине Вяземский счел необходимым остановиться лишь на его писательской деятельности: «Пускай другие следуют за ним по пути гражданской службы <...>: мы кинем взгляд на его поприще литературное»¹⁵. Заявленная позиция была явно направлена против известного высказывания самого Державина, провозгласившего преимущественную ценность своих «дел» по сравнению со «словами» (позднее оно станет предметом критики и А.С. Пушкина)¹⁶. Чувствуется здесь и подспудная полемика с практикой, когда даже писательскую биографию превращали в «послужной список». О неприятии этой практики Вяземский четко заявит через год в очерке об Озерове, подчеркнув, что биограф призван определить «его права не на адрес-календарь, но на любовь граждан»¹⁷.

Вместе с тем формулировка Вяземским отказа обозревать ход государственной службы Державина давала понять внимательному читателю, что в принципе биограф отнюдь не безразличен к истории гражданского бытия писателя, к ее ключевым моментам. Ведь, предлагая «другим» следовать за Державиным «по пути гражданской службы», он уже допускал возможность такого подхода к биографии и, соответственно, другой авторской стратегии. Уточняя же задачу «других», Вяземский и сам упоминал о крайних точках этого пути: описать Державина «простым рядовым на часах в день восшествия на престол Екатерины II и потом с удивлением» увидеть его «любимцем, статс-секретарем и певцом Екатерины Великой».

Представляется, в сказанных à-propos нескольких словах Вяземский сумел не просто отметить конкретные перемены в социальном статусе своего героя, но, подчеркнув их неожиданность и одновременно характерность для описываемого времени, указать на истинный драматизм и связь

его судьбы с эпохой. Так уже в этой статье намечена возможность построения биографии писателя как исполненной поэзии *истории жизни* героя в контексте «большой» *истории*, – биографии, не ограниченной описанием какой-либо одной сферы его деятельности.

В пользу такого типа биографии Вяземский прямо высказался через несколько лет, в «Известии о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева», критикуя за бедность содержания широко известную «академическую» биографию М.В. Ломоносова¹⁸. Жизнь Ломоносова, прошедшего путь от «дикого рыбака в Холмогорах» до «преобразователя языка, поэта и ученого соревнователя первейших лириков и Франклина в Петербурге, едва только возникающем к просвещению», по Вяземскому, «может быть, более самых творений его исполнена поэзии». Соответственно, она должна стать «богатым предметом для философа, поэта, историка, которые найдут в нем и *поучительность* истины строгой и всю *чудесность* (выделено в обоих случаях нами – *И.П.*) романических вымыслов». Именно сочетание философского, моралистического, поэтического и научно-исторического взгляда на жизнь выдающегося человека во всей ее многогранности необходимо в сочинении «биографа искусного»¹⁹.

Не совсем оправданной представляется попытка Е. Грачевой увидеть в процитированной «программе» жизнеописания Ломоносова установку Вяземского исключительно на занимательное «разнообразие» в повествовании и противопоставить ее установке на «дидактизм», якобы отличающей жизнеописание Дмитриева²⁰. Как показано выше, Вяземский и в биографии Ломоносова призывал соединить художественный, научный, публицистический, дидактический подходы к описанию жизни героя, а следовательно, и занимательность и поучительность в повествовании. Разумеется, в каждом конкретном произведении акценты могли смещаться, но в целом принцип синкретизма сохранялся.

Думается, в «программе» жизнеописания Ломоносова существеннее готовность Вяземского допустить другое противопоставление: история *жизни* героя – история его *творчества*. Здесь впервые прозвучало утверждение, что история жизни писателя может оказаться едва ли не интереснее и важнее его творчества. При этом позиция Вяземского заметно отличается от позднейших высказываний по этому поводу (декабристов, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, Н.А. Некрасова). Вяземский никогда не считал, что такой интерес может представлять только биография писателя–подвижника с характерным для него аскетическим самоотречением и героизмом поведения или, по крайней мере, стремящегося так «выстраивать» свою биографию²¹. Вяземскому гораздо ближе идеал полноты свободной жизни человека, и, следовательно, для него как биографа насыщенность *частной* жизни героя имела не намного меньшую ценность, чем значимость его *общественного* служения. Такой подход четко сформулирован им в конце 1840-х гг., когда в наброске неоконченной статьи о Ю.А. Нелединском–Мелецком автор с большим сочувствием говорил о том, что даже государственные люди из поколения «отцов наших» обладали «искусством жить»: «утром трудились, а вечером любили отдыхать и умели придавать отдыху своему приятность и утонченную изящность»²². Однако истоки этой ценностной ориентации, очевидно, нужно искать в рецепции молодым Вяземским либеральной аксиологии, а также в восприятии им горацианского идеала «домашней» жизни – скромной, вольной, исполненной любви, дружбы и поэзии²³. Причем с годами, особенно в мемуарной и биографической прозе последних десятилетий творчества Вяземского, «домашняя», повседневная бытовая, конечно, эстетизированная, сфера жизни его героев все чаще выходила на первый план.

В период же расцвета творчества Вяземский-биограф явно тяготел к возможной сбалансированности, тем более что искомая им полнота и точность литературного портрета героя предполагали исследование его харак-

тера, поведения в различных обстоятельствах. В очерке об Озерове, сожалея о незнании «подробностей» его частной жизни, биограф отметил: «Мы любим заставить в тишине домашней жизни человека, привлекающего взор наш на поприще большого света и, так сказать, поверять, сличать его с самим собою»²⁴.

Эту мысль через пять лет Вяземский развил в «Письме к издателю “Сына Отечества”» (1823) с просьбой к читателям «о доставлении сведений» о жизни Фонвизина, причем сведений самых разнообразных, вплоть до мельчайших деталей его поступков и разговоров. Признавая, что «главное в жизни сочинителя есть сочинения его: потомство по ним судит о человеке», он считал совершенно закономерным, что «любопытство наше не ограничивается одним познанием, так сказать, гласных деяний того, который имеет право на внимание наше». Вяземский от лица читателей и авторов биографий (что подчеркивалось и использованием слова «мы») декларировал: «мы хотим проникнуть в тайны его (писателя, которому посвящена биография – *И.П.*) частной и сокровенной домашней жизни: не довольствуемся тем, что читаем его, но желаем некоторым образом подсматривать и подслушивать, и, так сказать, делаться из потомков современниками мужей знаменитых».

В то же время Вяземский настаивал, что в исследовании «сокровенного» должна соблюдаться мера. Он с осуждением отзывался о том, что «во Франции, например, люди общественные часто» из-за «нескромного любопытства публики, изобретательной деятельности писателей–промышленников и алчности книгопродавцев» выставляются «потомству напоказ уже в излишней нагоде»²⁵. Правда, русский биограф понимал, что публикаторская «откровенность, которая часто сбивается на нескромность», не всегда следствие безнравственности конкретных авторов и издателей. В 1826 г. в рецензии на «Записки графини Жанлис» он подчерк-

нул, что в этом проявляется дух времени – «века записок, воспоминаний, биографий и исповедей вольных и невольных»²⁶.

В такой ситуации, по Вяземскому, особенно важно определить критерий целесообразности при введении в биографию тех или иных подробностей. Например, он был противником обязательных генеалогических экскурсов в биографии писателя. Проявляя большой интерес и почтение к истории предков, в частности, к собственной родословной (и, конечно, гордясь принадлежностью к Рюриковичам), он считал лишним обращаться к этим темам при анализе литературных и гражданских заслуг – своих или чужих. «Изыскания родословные не нужны в биографии литератора: дарование не майорат», – афористически сформулировал он свою позицию в начале повествования о Д.И. Фонвизине²⁷. Написанные и впервые напечатанные уже в 1830 г., эти слова Вяземского весьма значимы в контексте его рефлексии по поводу жанра биографии, и не только в теоретическом отношении. Особую актуальность они приобретали как четкий ответ на обвинения Вяземского и его единомышленников в «аристократизме», которые стали общим местом в литературно-общественной полемике 1830-х-1840-х гг.

Вместе с тем для Вяземского, с его попытками исторического анализа, объяснения тех или иных черт характера или поступков героя, недопустимо было вовсе исключить обращение к генеалогическим подробностям. Ведь они могли прояснять какие-то существенные моменты в формировании личности героя, в его жизни и творчестве. Поэтому в биографии Фонвизина автор все же остановился, пусть кратко, на происхождении своего героя, его фамилии («генеалогической странности», обусловившей «почетную частицу фон» перед именем русского писателя), охарактеризовал его семью и особенности воспитания.

Авторская стратегия биографа не могла не зависеть от внешних условий, в том числе формальных – объема заказанного произведения. Так, в

рамках журнальной некрологической статьи о Державине естественно было сконцентрировать внимание лишь на историческом значении литературной деятельности писателя, показав, что он выступил «достойным наследником лиры» и даже «победителем» Ломоносова, явился «красноречивым памятником» «блестящего века Екатерины». В данной публикации заявлена возможность построения жизнеописания писателя как *краткого обзора его творчества* в контексте *истории литературы*. Безусловным достоинством статьи стали начатки историзма, притом что некролог писался довольно оперативно, на «свежей могиле песнопевца»²⁸.

Установка на обзор творчества писателя в контексте истории литературы в основном выдержана и в статье-предисловии «О жизни и сочинениях В.А. Озерова» (1817). Уход от описания служебной деятельности героя в данном случае оправдывается не столько объемом статьи (он гораздо больше), сколько тем, что она практически не давала интересного для биографа материала. Зато историко-литературный анализ в этой статье масштабнее, хотя, конечно, не всегда бесспорен. Безусловная заслуга критика – стремление оценить писателя как с точки зрения особенностей его творческого пути и его места в истории идейно-художественных исканий современной литературы, так и с точки зрения характера и уровня его воздействия на аудиторию. Такой социологический подход проявился при рассмотрении заслуг Озерова перед русским театром. Биограф специально подчеркнул, что драматург достиг действительного «владычества» над душами зрителей, о чем свидетельствуют не просто их рукоплескания, но и слезы на их глазах. Тема писательского успеха напрямую связывалась с темой глубины влияния литературы на общество.

Усилены в жизнеописании Озерова философская и психологическая составляющие. На одно из первых мест выдвигались проблема *судьбы* и характеристика душевных качеств писателя, хотя Вяземский осознавал трудность писать о них, не будучи лично знаком со своим героем. Нача-

лась статья с противопоставления участи двух недавно скончавшихся литераторов – Державина и Озерова: «Судьба и люди, едва ли не в первый раз, постоянно благоприятствовали гению в лице Державина – и он, доживши до глубокой старости, простился с жизнью, как с прекрасным вечерующим днем. <...> Но, оплакивая Озерова, мы должны сетовать как о преждевременной смерти, так и о самой жизни его, игралище враждующей судьбы и людей, коих злоба бывает еще изобретательнее и постояннее». Биограф напрямую связывал судьбу писателя с его характером. Озеров показан как человек, «одаренный сердцем, чувствительным к обидам», не умевший «ни презирать вражды, ни бороться с нею». Во многом идеализируя своего героя, Вяземский не утаивал и слабости характера этого писателя, на личность которого (не только на творчество) наложила отпечаток эпоха сентиментализма и предромантизма.

Сквозная тема жизнеописания Озерова – тема опасной враждебности людей, «которые постоянно коснеют при мнениях прошедшего века» под «усыпительным надзором невежества и предрассудков», к любым «успехам разума и искусства» и, соответственно, к «преобразователю русской трагедии» Озерову. Так впервые в большой, рассчитанной на публикацию работе Вяземский обращается к важнейшему для просветительского историзма постулату о том, что в основе исторической изменчивости действительности лежит непрерывная борьба просвещения с невежеством, талантов, прокладывающих новые пути в искусстве и жизни, с их противниками-ретроgrадами. Причем более или менее знакомый с литературно-общественной ситуацией читатель мог легко догадаться, что автор, давая характеристику консервативных косных сил, наполненную типичными для арзамасского круга словами-сигналами, хотя и не назвал никаких имен, подразумевал членов «Беседы любителей русского слова»²⁹.

Как показали современные исследователи, обвинения гонителям драматурга были сильно преувеличены³⁰. Вместе с тем эти преувеличения

не были просто фантазией биографа. Легенда об Озерове – жертве литературных староверов и его главного недоброжелателя А.А. Шаховского, как известно, начала распространяться в обществе еще до появления статьи Вяземского, который довольно успешно ее разработал и закрепил в сознании читателей³¹. Отметим также неадекватность оценки биографом Озерова масштабов его таланта (кстати, чуть позднее за это упрекал Вяземского А.С. Пушкин).

Биография Озерова под пером Вяземского явно *мифологизировалась*. Это было частью авторской стратегии известного своей боевитостью арзамасца Вяземского в противостоянии с шишковистами – приверженцами «Беседы» и после того, как в 1816 г. она прекратила свое существование. Не случайно статья-предисловие писалась по заказу и при поддержке Д.Н. Блудова, одного из основателей «Арзамаса», двоюродного брата Озерова, взявшего на себя труд издания посмертного собрания его сочинений. Жизнеописание выстраивалось как не претендующая на четкую фактическую достоверность и не подлежащая уточняющей проверке, несколько схематизированная и одновременно эмоционально насыщенная картина жизни и творчества «великого трагика», павшего жертвой «запоздалых» в своих взглядах на жизнь и литературу, завистливых соперников. Легко запоминаемая, она создавала устойчивые репутации с подчеркнутой оценочностью.

Подобная мифологизированная биография вполне может восприниматься как самостоятельная культурная ценность. Но не менее значима, думается, ее публицистическая функция. Ведь она весьма эффективно включалась в обсуждение актуальных литературно-общественных вопросов, в борьбу за общественное мнение, которая предполагает создание и/или развенчание тех или иных репутаций.

Если в статьях о Державине и Озерове, написанных после смерти писателей, автор считал себя имеющим «прискорбное право говорить о них

свободно», то с жизнеописанием здравствующего И.И. Дмитриева дело обстояло сложнее. В русской литературе еще не было прецедента создания биографического предисловия к прижизненному собранию сочинений литератора. Так что сама затея в своей новизне не могла не вызывать несогласие, а у кого-то даже неприятие как «дерзостная нелепость»³², и это сказывалось на самоощущении даже довольно опытного уже биографа. Его задача существенно осложнялась тем, что Дмитриев весьма остро реагировал на всякую информацию о себе, и Вяземскому, входившему в круг его ближайших знакомых, приходилось с этим считаться. Кроме того, биографическое предисловие писалось по заказу (соответственно, и под известным контролем) Вольного общества любителей русской словесности, которое было обязано Дмитриеву за подаренное право на переиздание его сочинений.

В данных обстоятельствах Вяземский, осознавая скованность многими условностями, требованиями цензуры и самоцензуры, волей-неволей должен был искать новые пути в жанре биографии. В ответ на замечания В.А. Жуковского в январе 1823 г. (уже в связи с переработкой текста статьи после критики ее в Вольном обществе) Вяземский объяснял, что в очерке о Дмитриеве он изначально не мог подробно «разбирать жизнь его, характер». Поэтому его жизнеописание это «не портрет, а картина» и «ближе подходит к запискам (*mémoires*)», в которых немало «приделок»³³ – побочных сюжетов и вводных рассуждений.

Однако, судя по другим письмам Вяземского 1821–1823 гг. (периода работы над статьей о Дмитриеве), такая авторская стратегия вызвана не просто невозможностью свободно, последовательно и подробно писать о жизни героя. В ней воплотилась общая творческая тенденция Вяземского периода опального «сидения» в Остафьеве, когда в 1821 г. он вынужден был уйти в отставку. Практически единственным способом реализации его либеральных настроений тогда оставалась деятельность публициста – оп-

позиционера. Для выражения своих любимых идей, размышлений о набравшем он готов был использовать любой жанр и делать особые «пристройки», раздвигая традиционные жанровые рамки. Так, в жизнеописание Дмитриева включены рассуждения на разные актуальные социокультурные темы: о состоянии просвещения в России и препятствиях на его пути, о современной журналистике, об искусстве перевода и т.п. Да и по ходу непосредственно биографического повествования постоянно чувствуется «присутствие» автора, который всматривается в историю своего героя, прежде всего историю его государственной службы как бы сквозь призму собственного драматического опыта в этой сфере. В результате в общем вполне благополучная история службы Дмитриева целенаправленно превращалась в «историю отставок», по меткому определению Е. Грачевой³⁴, и актуализировалась болезненная для самого Вяземского тема взаимоотношений «чиновник-гражданин и высшая власть».

Такая позиция, стремление «вольтерствовать»³⁵, разумеется, принималась далеко не всеми, даже из числа его друзей, тем более в довольно пестром по составу Вольном обществе, членом которого Вяземский также являлся. Знаменательно его письмо к А.И. Тургеневу в сентябре 1821 г., через месяц после получения заказа: «я начал возиться с «Дмитриевым». <...> Но ученое общество признает ли мои ереси? Я все хлещу и всех. Хочется посалить мне это несколькими анекдотами: намекнуть об опале его при Павле и промолчать про последние победы его действительные, но бездейственные». Биограф понимал, что такие акценты в статье едва ли примет и его довольно тщеславный герой: «Только с ним нескоро сговоришься, а оскорбить его *недоτροгость* (курсив Вяземского – *И.П.*) не хочется»³⁶. В конце концов, спустя полтора года после получения заказа жизнеописание Дмитриева было напечатано, хотя с серьезными купюрами³⁷. Работа над «Извещением...» оказалась для Вяземского трудным испытанием и, подчеркнем, важной вехой его собственного творческого пути.

Несмотря на все сложности, Вяземский сумел здесь, в отличие от двух предыдущих биографических опытов, хотя бы отчасти реализовать тип биографии как *описания разных сторон жизни* героя в контексте «большой» истории. Симптоматично, что насущность создания такой биографии он декларировал, как уже говорилось, именно в рамках очерка о Дмитриеве.

Автору «Известия о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева» удалось показать способность писателя явиться «в одно время и с честью на стезе государственной жизни и со славою при алтаре муз». По Вяземскому, пример Дмитриева – не исключение даже для отстающей в просвещении от Европы России, в доказательство чего приводятся имена А.Д. Кантемира, Державина, М.Н. Муравьева, Нелединского. Биограф исходил из убеждения, что «заслуги литературные» не могут быть «препятствием развитию государственных способностей» в «поэте, коего честолюбие вызывает из темной сени уединения на блестящую чреду действующего гражданина». Служба может только мешать «постоянным занятиям литературным», не более. Вяземский настаивал на возможности сочетания в сознании и деятельности одного человека «душевных и умственных принадлежностей писателя» («любовь к изящному», «сила и свежесть чувства» и т.п.) и «государственного человека» («усердие к пользе общественной», «здравый рассудок» и т.п.). Так оспаривался тезис, что поэт – «человек, к делам не способный», хотя, как уточнял Вяземский, этот тезис еще раньше начал терять актуальность. Благодаря «успехам просвещения», «биография чиновника не заключается иногда в одной сухой летописи о прехождении его из чина в чин, а биография поэта удовлетворяет любопытству не одних любителей поэзии». Хотя достижения на литературном поприще все же «не вознаграждаются таким блестящим и наличным образом», как успехи на государственной службе, они зато «долговечнее в памяти современников и потомства».

Позитивные изменения в отношении общества к писателю признавались одним из достижений эпохи Екатерины II, которая «облагородила в России звание писателя»³⁸. Вообще, по справедливому мнению многих исследователей, образ Екатерины в творчестве Вяземского, в том числе в биографиях Дмитриева и, особенно, Фонвизина, явно идеализирован. Он выстроен как антипод Павлу I и пример для современных биографу правителей – пример достойного меценатства и способности действовать в «союзе» с «олигархией» талантов, уважая их независимость. Идея «союза», «договора» просвещенной власти и просвещенного общества, имеющего свои права и обязанности, – основополагающая в социально-политических воззрениях Вяземского. Идеализируя образ Екатерины II, Вяземский вписывал его в свою концепцию, стремясь утвердить ее реалистичность и перспективность.

Описывая Дмитриева-государственного деятеля, Вяземский также был довольно тенденциозен. Это отразилось не только в трактовке темы отставок. Особое внимание биограф сконцентрировал на службе Дмитриева на посту министра юстиции, когда тот имел возможность напрямую способствовать социально-политическим и экономическим реформам, облегчению участи крепостных. Такой интерес закономерен для либерально настроенного Вяземского в начале 1820-х гг. Биограф даже специально просил А.И. Тургенева навести в Петербурге справки о министерских инициативах Дмитриева³⁹, что его друг и единомышленник поспешил аккуратно исполнить. В результате в «Известии» появился рассказ о замечательном «по государственной важности указе, в силу коего запрещалось личным дворянам приобретать крестьян и дворовых людей» и была отсечена «одна из отраслей бедственного злоупотребления» и дана «надежда на совершенное искоренение зла»⁴⁰. Разумеется, значимость этого нововведения в истории борьбы с крепостничеством сознательно гипертрофирована Вяземским. Кстати, сам Дмитриев не считал его достойным упомина-

ния в своих записках «Взгляд на мою жизнь». Биограф, напротив, специально выделил этот эпизод: он позволял создать репутацию либерала Дмитриеву (в реальности весьма умеренному в политическом отношении) и тем самым подкрепить ценность либеральных идей авторитетом «живого классика».

В целом в «Известии» достаточно полно охарактеризованы обе сферы деятельности Дмитриева – писателя и государственного деятеля. И все-таки соединение высокого литературного таланта и государственного ума и воли в одном человеке, их полноценная реализация в целостной, «деятельной и плодотворной жизни», содействующей «благоденствию и славе отечества»⁴¹, воспринимались и пропагандировались Вяземским как достижимая, но еще никем вполне не достигнутая цель. Симптоматично, что в финале биографического очерка не столько подводились итоги (понятно, промежуточные) жизни и творчества И.И. Дмитриева, сколько предлагалась своеобразная *программа поведения*, конструирования своей будущей биографии претендентом на звание «писателя-гражданина». Автору очерка удалось четко сформулировать свое представление об идеальном литераторе – он «всегда бывает благотворителем сограждан, вожатым мнения общественного и союзником бескорыстным мудрого правительства»⁴².

Судя по дальнейшим биографическим (да и не только биографическим) сочинениям Вяземского, этому идеалу мало кто мог соответствовать. Очевидно, ближе всех были Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин, которых он называл «наиболее влиятельными и господствующими писателями своих эпох»⁴³. Но по разным причинам Вяземский так и не написал их биографий, оставив лишь ряд разрозненных заметок.

В первой же главе книги о Фонвизине, увидевшей свет в 1830 г. в «Литературной газете» под названием «Введение к жизнеописанию Фонвизина», он сделал неутешительный и, конечно, не совсем справедливый в своей полемической резкости вывод о крайней слабости связей отечест-

венной литературы и «гражданского быта нашего», об ограниченности возможностей писателя в России быть «вожатым мнения общественного». Причем как во времена написания «Недоросля», так и полвека спустя, когда создавалось жизнеописание его автора. Вяземский заявил, что хотя произведения Фонвизина несли на себе «отпечаток ума и эпохи его» и он «был действующим лицом на сцене петербургской, <...> в сем средоточии русской гражданственности», тем не менее «биографический портрет» даже такого литератора не мог перерасти в объемную «историческую картину общества». Биограф утверждал: «В обществе не дознался я отголоска Фон-Визина и в самом Фон-Визине отыскал мало отпечатков общества». Соответственно, в жизнеописании современная герою эпоха могла служить лишь «рамою» для его изображения.

Вообще суждения Вяземского о Фонвизине отличает довольно критический взгляд биографа на своего героя и плоды его творчества. Такая позиция заявлена уже в письме А.А. Бестужеву от 6 мая 1823 г.⁴⁴, когда Вяземский только начал работу над заказанным ему биографическим предисловием к собранию сочинений знаменитого писателя, и довольно четко прослеживается в биографии-монографии, ставшей итогом многолетнего труда. Подобный подход в биографии – явление нечастое, ведь, как уже отмечалось, образ героя в жизнеописании обычно реконструировался как образ «положительного героя», даже идеализированного. Биограф же Фонвизина тяготел к роли нелицеприятного исследователя жизни и творчества писателя. Идеино-творческие разногласия со своим героем он не считал нужным затушевывать, что прежде всего сказалось в остро критическом разборе писем Фонвизина, написанных во время пребывания во Франции и содержащих антифранцузские выпады, резко скептические суждения об энциклопедистах.

Авторской установке на нелицеприятное исследование способствовали, очевидно, и историческая дистанция, которая разделяла биографа и

его героя, и сам жанр большого монографического сочинения, предполагавшего анализ значительного фактического материала. Вяземский-биограф порывает с панегирической традицией (ее элементы присутствуют во всех его предыдущих опытах) и делает шаги в направлении серьезного биографического исследования, позволяя себе достаточно свободно судить о разных сторонах деятельности своего героя. Г.А. Гуковский даже оценил «талантливую книгу» Вяземского как положившую «начало научного изучения Фонвизина»⁴⁵. Правда, чаще в ней видят сочинение не ученого, а эссеиста. Думается, фонвизинская биография, написанная Вяземским, по природе своей так же в целом синкретична, как и другие его опыты в этом роде, но критико-публицистические и научно-исследовательские интенции в ней явно усилены.

Как отмечено выше, начиналась монография о Фонвизине излишне категоричным заявлением Вяземского о недостаточности связей между отечественной литературой и обществом, которое во многом опровергалось сказанным в последующих главах⁴⁶. Тем не менее, это заявление сохраняет свою важность для определения авторской стратегии биографа в целом. Оно подчеркивает верность Вяземского продекларированным им ранее социологической точке зрения на литературу и чрезвычайно высоким требованиям к уровню взаимоотношений писателя и общества. Ведь он всегда исходил из того, что литература – это «выражение общества»⁴⁷. Недаром и в своих «Отметках при чтении «Исторического похвального слова Екатерине II, написанного Карамзиным» (1873–1874) Вяземский подчеркнул, что «главное достоинство» Карамзина в том, что «он навеял новый дух на литературу нашу <...> приблизил ее к обществу и его сблизил с нею»⁴⁸. Сближение литературы и общества, по Вяземскому, одна из важнейших задач писателя – «благотворителя сограждан», обязанного при этом «дорожить независимостью и служить одной истине, а не лицам»⁴⁹. И в собственной многообразной деятельности, в том числе как критик и пуб-

лицист в одном из любимых своих жанров – биографии писателя, Вяземский постоянно стремился реализовывать эту установку.

Итак, при неизменности общей задачи, как показывает анализ его биографических опытов, Вяземский заложил основы различных авторских стратегий при написании биографии писателя. В некоторых ситуациях на первый план могла выдвигаться одна сторона жизни героя – история его литературной деятельности. Такая биография в значительной степени оставалась в рамках литературно-критической статьи, некрологической статьи или статьи-предисловия к собранию сочинений писателя с обзором его творчества, правда, в них обязательно акцентировался хронологический и шире – историко-литературный аспект. Более соответствующей критериям собственно биографического жанра была попытка реконструировать разностороннюю картину жизни героя и рассмотреть ее в контексте «большой» истории. Для этой авторской стратегии наиболее подходящей оказалась форма монографии, хотя могла она реализовываться и в объемной статье-предисловии. Уже в начале 1820-х гг. Вяземский оценил преимущества такого подхода – показывать героя в разных сферах жизни (писательской, гражданской, «домашней»), анализировать различные обстоятельства и события его жизни, проникать в дух времени и «тайны характера»⁵⁰.

Думается, здесь русский биограф может поспорить о праве на «старшинство» (по его любимому выражению) с самим Сент-Бёвом, который считается одним из зачинателей и крупнейшим представителем биографического метода в литературоведении. Французский критик-романтик также требовал от биографа обращать внимание на подробности не только авторской деятельности, но и домашней обстановки писателя, его «обыденных привычек» и, конечно, на его внутренний мир⁵¹. При этом Вяземский уже с первых высказываний о принципах работы биографа стал пре-

достерегать и от всеядности и излишней откровенности при публикации подробностей из жизни выдающегося человека⁵².

Существенным достоинством авторской стратегии Вяземского-биографа (в этом он также отчасти опередил Сент-Бёва) было стремление не просто показать разные стороны жизни писателя, но рассматривать ее в контексте «большой истории». Любопытно, что даже неоднозначно относившийся к Вяземскому Белинский, откликаясь в 1841 г. на публикацию отдельных глав его «Фон-Визина» в альманахе «Утренняя звезда», вынужден был признать: «один кн. Вяземский мог бы у нас написать историю литературы в отношении к обществу, так, чтоб это была история литературы и история цивилизации в России от Петра Великого до нашего времени»⁵³.

Но чтобы обозреть жизнь «исторического лица» в контексте «большой» истории, биограф, как любой писатель-историк, призван быть если не «фотографом», то «строгим историческим живописцем»⁵⁴. Высказанное в 1868 г., такое представление о писателе-историке характерно для позиции Вяземского на протяжении всего его творчества. Причем одним из главных условий успеха здесь провозглашалась опора на серьезный фактический материал, который нужно было собрать и тщательно проработать. Вяземский внимательно оценивал эту сторону деятельности биографа. Именно за недостаточное использование богатых и вполне доступных французских источников Вяземский укорял своего приятеля П. Габбе в рецензии (в целом одобрительной) на его «Биографическое похвальное слово г-же Сталь-Гольштейн»⁵⁵. В этой связи понятны его постоянные сетования на «скудость» русских пособий для биографов – «публичных листов, записок (*m'emoires*), изданных переписок исторических лиц»⁵⁶. Характерны для Вяземского и призывы к созданию (как известно, не без его влияния взялся за «записки» И.И. Дмитриев), сохранению и исследованию подобной «литературы факта», чем и сам он активно и довольно успешно занимался⁵⁷.

Однако не всегда Вяземский-биограф брал на себя роль «живописца строгого», скрупулезно следовавшего за документом. Ему был не чужд и такой вариант авторской стратегии, как мифологизация биографии. Такая биография, оказавшись в эпицентре борьбы за общественное мнение по весьма актуальным вопросам современного социокультурного процесса, приобретала еще б`ольшую публицистическую окрашенность.

Вообще для Вяземского типично понимание жизнеописания как жанра, близкого синкретическим публицистическим жанрам. Показательно, что требования, предъявляемые Вяземским к манере описания жизни и деятельности героя биографии, практически идентичны требованиям к публицистическому тексту вообще. Они отразились в его критическом отзыве на написанную Вальтером Скоттом биографию Наполеона. Для биографа, по Вяземскому, необходимы эмоциональность, «энтузиазм», увлечение (хотя без пристрастия и предубеждения) и в то же время пронизательность ума, аналитичность, способность представить хотя бы «одну новую гипотезу для разгадывания событий» в жизни героя и шире – в истории⁵⁸.

В последней трети жизни, по справедливому в целом замечанию Л.В. Дерюгиной, Вяземский в основном разрабатывал «биографию нового типа, в которой главное внимание уделяется не результатам деятельности человека, а цельности и почти художественной оформленности его жизненного пути, обоснованию эстетической ценности личности»⁵⁹. Уточним только, что в данных жизнеописаниях Вяземский развивал подход, возможности которого, по крайней мере отчасти, обозначены им уже в раннем творчестве, прежде всего, в рассмотренной выше «программе» биографии Ломоносова.

П.А. Вяземский стоял у истоков жанра биографии писателя в России и за свою долгую творческую жизнь успел многое сделать на этом пути, еще больше – наметить, в том числе различные варианты авторской стра-

тегии при создании биографических произведений. И сегодня представляют интерес как сами его биографические тексты, так и его рефлексия по поводу этого жанра. Тем более что проблемы биографии разработаны все еще недостаточно.

¹ *Вяземский П.А.* Фон-Визин. СПб., 1848. С. IV–V. В рамках данной статьи главным образом рассматриваются авторские стратегии Вяземского как биографа того или иного деятеля литературы, хотя многое из выдвинутых подходов реализовывалось им не только в жизнеописаниях писателей (похожие авторские стратегии, напр., использовались Вяземским в биографических статьях-некрологах, посвященных актеру Тальма и гр. Маркову, в «Московском телеграфе» в сер. 1820-х гг.).

² *Вяземский П.А.* Автобиографическое введение // *Вяземский П.А.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 270–276.

³ Заметим, кстати, что безусловный интерес представляет и опыт Вяземского в автобиографии, но это уже тема другой работы.

⁴ До этого в России публиковались только словарные биографические статьи-заметки (впервые – в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова) и «академические» биографии – предисловия к собраниям сочинений писателей, издаваемым Российской Академией.

⁵ См. об этом: Очерки истории русской литературной критики. Т. 1. СПб., 1999. С. 145.

⁶ *Вяземский П.А.* Приписка к статье «О жизни и сочинениях В.А. Озерова» // *Вяземский П.А.* Соч. Т. 2. С. 36. Очевидно, молодой Вяземский знал и о других биографических опытах, в том числе античных (напр., Плутарха), однако упоминаний об этом не оставил.

⁷ Об отличительных чертах мемуарной литературы в эпоху классицизма см.: *Елизаветина Г.Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // *Русский и западноевропейский классицизм: Проза.* М., 1982. С. 241.

⁸ *Вяземский П.А.* Приписка к статье «О жизни и сочинениях В.А. Озерова»... С. 36.

⁹ Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. С. 621.

¹⁰ *Вяземский П.А.* Записки графини Жанлис // *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1877. С. 207.

¹¹ На своем долгом веку Вяземский пережил несколько сменивших друг друга эпох, и понятие «прошлого» в его сознании, естественно, расширялось. С 1840-х – начала 1850-х гг. он все чаще противопоставлял мельчающим младшим своим современникам «замечательных» людей не только екатерининского времени, но и первой трети XIX в. – эпохи, довольно заметным деятелем которой он сам был.

¹² См. об этом: *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 388, 436–437.

¹³ *Манн Ю.В.* Жанр больших возможностей // *Вопросы литературы.* 1959. № 9. С. 42–43.

¹⁴ *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 372–374.

¹⁵ *Вяземский П.А.* О Державине // *Вяземский П.А.* Соч. Т. 2. С. 7.

¹⁶ В оде «Храповицкому» Державин писал: «За слова меня пусть гложет, // За дела са-тирик чит», на что А.С. Пушкин заметил: «слова поэта суть уже его дела».

¹⁷ *Вяземский П.А.* О жизни и сочинениях В.А.Озерова // *Вяземский П.А.* Соч. Т. 2. С. 15.

¹⁸ Речь шла о первой в России «академической» биографии – статье М.И. Веревкина в шеститомном Полн. собр. соч. М.В. Ломоносова, изданном в 1784 г. Российской Академией.

¹⁹ *Вяземский П.А.* Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // *Вяземский П.А.* Соч. Т. 2. С. 56.

²⁰ *Грачева Е.* «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» П.А. Вяземского («Жизнь поэта» и жизнь поэта) // В честь 70-летия проф. Ю.М. Лотмана: Сб.ст. Тарту, 1992. С. 92. (В целом данная статья Грачевой весьма содержательна, и большинство ее положений не вызывает возражений).

²¹ См. о таком подходе к писательской биографии: *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 374, 373.

²² *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. С. 436–437.

²³ Этот идеал вообще характерен для младокарамзинистов (ср. сквозные мотивы программного послания К.Н. Батюшкова «Мои Пенаты», обращенного, кстати, к его друзьям – Вяземскому и Жуковскому).

²⁴ *Вяземский П.А.* О жизни и сочинениях В.А. Озерова... С. 15.

²⁵ *Вяземский П.А.* Письмо к издателю «Сына Отечества» // *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 98–99.

²⁶ *Вяземский П.А.* Записки графини Жанлис... С. 206.

²⁷ *Вяземский П.А.* Фон–Визин. С. 22.

²⁸ *Вяземский П.А.* О Державине... С. 9, 12.

²⁹ В статье 1817 г. Вяземский действовал в соответствии с литературными приличиями того времени. Но в очерке «Озеров», опубликованном в «Русском архиве» в 1869 г. (№ 12. С. 2032–2045) Вяземский позволил себе вполне откровенные высказывания относительно «гонителей» Озерова. Очевидно, это объяснялось, с одной стороны, необходимостью предметного отклика на появившуюся тогда архивную публикацию по «делу» Озерова, с другой стороны – возможностью свободнее говорить о событиях полувековой давности, когда практически никого из их участников и свидетелей уже не было в живых и Вяземского вряд ли могли упрекнуть за «личности».

³⁰ См., напр.: *Гиллельсон М.И.* П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 66.

³¹ Показательно, что и В.К. Кюхельбекер, вовсе не арзамасец, писал в своем стихотворении «Поэты» 1820 г. об Озерове как о жертве «злодеев и глупцов». Очевидно, он отражал сложившееся в обществе мнение и, наверно, не без влияния статьи Вяземского.

³² Русская литература. 1962. № 3. С. 220.

³³ Русский архив. 1900. № 1. С. 186–187.

³⁴ *Грачева Е.* Указ. соч. С. 90.

³⁵ *Карамзин Н.М.* Письмо П.А.Вяземскому от 29 дек. 1821 г. // *Старина и новизна.* 1897. Кн.1. С. 121.

³⁶ Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 11. СПб., 1899. С. 213.

³⁷ См. об этом подробнее: *Гиллельсон М.И.* Комментарии // *Вяземский П.А.* Соч. С. 315–317.

³⁸ Надо, однако, иметь в виду, что, оценивая в позднейших статьях ситуацию со «званием писателя» в постекатерининскую эпоху, Вяземский был гораздо более скептичен. См., напр., суждения в его отклике на «Сочинения в прозе В. Жуковского», напечатанном в 1827 г. в «Московском телеграфе» (Полн. собр. соч. Т. 1. С. 268).

³⁹ Остафьевский архив... Т. 11. С. 217.

-
- ⁴⁰ *Вяземский П.А.* Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева... С. 53–54.
- ⁴¹ Там же. С. 56–57.
- ⁴² Там же. С. 83.
- ⁴³ *Вяземский П.А.* Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина: [Поздняя редакция] // *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. С. 196.
- ⁴⁴ Русская старина. 1888. № 11. С. 316.
- ⁴⁵ *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. М., 1998. С. 278.
- ⁴⁶ На это, кстати, указывали П.Н. Берков («Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. 1. Л., 1964. С.80-82) и М.И. Гиллельсон (П.А. Вяземский: Жизнь и творчество... С. 207).
- ⁴⁷ *Вяземский П.А.* Фон–Визин. С. 10, 1.
- ⁴⁸ *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. С.300.
- ⁴⁹ *Вяземский П.А.* Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева... С. 75.
- ⁵⁰ *Вяземский П.А.* Поживки из французских журналов в 1827 г. // *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. С. 97.
- ⁵¹ См. об этом, напр., в ранней (1828 г.) статье Сент-Бёва «Пьер Корнель» (*Сент-Бев Ш.О.* Литературные портреты. Критические очерки. М., 1970. С. 47-48).
- ⁵² Как отмечал Вяземский в «Воспоминаниях о 1812 годе», такая «нескромность» превращает автора портрета в «камердинера», который не способен видеть величие исторического лица, а видит лишь «внешние его слабости и промахи» (*Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. С. 267).
- ⁵³ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. IV. М., 1954. С. 454.
- ⁵⁴ *Вяземский П.А.* Воспоминания о 1812 годе. С. 267.
- ⁵⁵ *Вяземский П.А.* О биографическом похвальном слове г-же Сталь-Гольштейн // *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 83.
- ⁵⁶ См., напр., «Письмо к издателю «Сына Отечества» (1823), некролог гр. Маркову (1827).
- ⁵⁷ Так, довольно высокую оценку получила документальная часть монографии «Фон-Визин», хотя, разумеется, современные исследователи выявили и слабые стороны в этом опыте Вяземского – некоторый «произвол» в работе с архивными материалами. См. об этом: *Вытженс Г.* П.А.Вяземский и русская литература XVIII в. // XVIII век. Вып. 7. М.; Л., 1966. С. 336.
- ⁵⁸ *Вяземский П.А.* Письмо А.И.Тургеневу от 1 янв. 1828 г. // Остафьевский архив. Т. III. С. 73–76.
- ⁵⁹ *Дерюгина Л.В.* Эстетические взгляды П.А.Вяземского // *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. С. 40.